

Словотворчество в поэтике Хармса и Введенского

Валерий Гречко

Словотворчество и использование так называемого заумного языка являлось одним из основных приемов в творчестве русских футуристов. Создатели заумного языка исходили из мысли, что существующий язык не является адекватным средством отражения мира. Как отмечает Ж.-Ф. Жаккар, “когда Крученых писал *Дыр бул щыл* и Хлебников - *Зангези*, они отделяли фонемы с тем, чтобы заново их переорганизовать, чтобы с заново созданным языком выросла вероятность постичь действительность” (1990, 35). Иначе говоря, в языковом коде выделялись новые значимые единицы, которые, по мысли их создателей, должны были выразить невыразимое обычным языком содержание. Таким образом, одной из характернейших особенностей заумной поэзии является употребление незафиксированных ранее в языке фонемных цепочек (заумных слов), которые не являются в конвенциональном языковом коде значимыми смысловесущими единицами.

Традиция русского футуризма оказала сильное влияние на Хармса и Введенского. Непосредственная связь с этой традицией прослеживается для Введенского, в частности, через Игоря Терентьева, создавшего в 1923 году в Институте Художественной культуры (ИНХУКе) фонологическую лабораторию, которую посещал поэт (см. Мейлах 1991, 363). Кроме того, Хармс и Введенский некоторое время входили в “Орден заумников”, возглавлявшийся А. Туфановым, автором книги “К зауми.” В творчестве Хармса прослеживаются следы несомненного влияния одного из основоположников футуризма В. Хлебникова, которого Хармс прямо называл своим учителем (Хармс 2, 203) и к которому он неоднократно возвращался в своем творчестве (например, Хлебников появляется среди действующих фигур в сценической поэме Хармса “Лапа”).

В целом можно отметить, что словотворчество и использование элементов зауми широко свойственно для ранних произведений Хармса. В меньшей мере это относится к Введенскому, хотя заумный язык не был чужд и его поэтической палитре. Если в “Манифесте Обэриу” 1928 года можно прочесть: “Нет школы более враждебной нам, чем заумь” (Milner-Gulland 1970, 70), то эту резкость тона можно объяснить скорее полемическим задором и личными разногласиями Введенского и Туфанова, чем действительным положением вещей. И в 1928 году, и после распада Обэриу, заумь остается одним из художественных средств в

творчестве этих поэтов, а ее элементы можно проследить даже в произведениях конца 30-х годов.¹

Использование заумных новообразований в произведениях Хармса и Введенского весьма разнообразны и с трудом поддаются классификации. Важнейшим критерием здесь может служить степень семантической неопределенности, которая возникает в результате их употребления. В сущности, в пользу такого подхода высказывался уже Флоренский, который подразделял заумные слова “по возрастающей степени новизны” (1988, 111). В нормальном случае элементы языкового кода (лексические единицы) более-менее однозначно и устойчиво связаны с элементами внеязыковой действительности, т.е. имеют определенные значения. В обычном языке значение слова является комплексной величиной и складывается из его референциальной соотнесенности с определенным объектом или явлением (собственно лексическое значение), его принадлежности к определенной грамматической категории (грамматическое значение), а также отчасти связано с его звуковой формой (фонетическое значение). В заумных словообразованиях некоторые из этих аспектов разрушаются, в результате чего их значение становится менее определенным. Значение как бы “расслаивается”, и степень неопределенности во многом зависит от того, какие компоненты значения сохраняются в возникшем неологизме. Ниже мы рассмотрим примеры заумных новообразований, в которых преимущественно сохраняется лексическое, грамматическое или фонетическое значение, а также пограничные случаи.

Пограничные случаи

К пограничным можно отнести те случаи, где появляющиеся в тексте звуковые комплексы не позволяют однозначно определить, имеем ли мы дело со специально созданными заумными словами, или изменение языковой нормы мотивировано другими причинами.

Так, на границе с заумью находится такой способ фонетической деформации, когда существующее в языке слово разрывается на несколько отрывков, причем полученные части могут являться, а могут и не являться словами русского языка:

Да Махмет, не фунт изюму,
вдруг он при со во купил (Хармс 2, 4)

¹ Любопытно отметить, что согласно протоколам допросов именно использование заумного языка было главным пунктом обвинения Хармса и Введенского в “антисоветской деятельности” во время их первого ареста в конце 1931 года.

Подобное “рассечения слов” (Якобсон 1979, 335) часто имеет целью подчеркивание ритмической структуры слова, как это имеет место при скандовке, или же является средством иконического изображения ритмов, вторгающихся из внешнего мира, например, “без у мец” (Хармс 3, 26), где стихи явно имитируют ритм музыки (они были написаны во время концерта М. Юдиной, см. примечание Мейлаха, стр. 187).

Нельзя однозначно отнести к зауми также и те случаи, где употребление некодифицированных лексем мотивировано дефектами артикуляционного аппарата говорящего:

Зверь: вылю плю на кулю коку
 дулю в каку кичу пулю

Щепкин: Да что же это такое?!

Человек, похожий на колбасу: Он без зубов потому что (Хармс 1, 120)

Своеобразную разновидность нарушений языковой нормы, тяготеющую к зауми, составляют примеры, в которых стирается граница между именами собственными и нарицательными:

Доктор двинул головой
посмотрел в фому свирепю (Хармс 1, 198)

Возникающая здесь двусмысленность вызвана тем, что имя собственное “Фома” употреблено таким образом, что оно практически переводится в разряд имен нарицательных. Об этом говорит не только написание его с маленькой буквы, но и управление глагола: “посмотреть в” требует неодушевленного дополнения (для одушевленного было бы “посмотреть на”).

Обратным случаем является употребление имен нарицательных в значении собственных. Хотя в принципе любое слово может получать значение имени собственного, все же можно усомниться, соответствуют ли подобные примеры языковой норме:

Два воробья одного звали
федором другого арбузом (Введенский 1, 87)²

² При цитировании всюду сохраняется оригинальная пунктуация, которая, в особенности у Введенского, нередко значительно отличается от нормативной.

Наконец, как своего рода заумь можно рассматривать немотивированную (или мотивированную лишь формально, например, рифмой) замену слов русского языка словами из каких-либо иностранных языков:

Наутро, в час утра
где нынче шевелятся арбры (Введенский 1, 87)

В данном случае сам автор дает указание, что слово имеет смысл в другом языке: “Арбр - по франц. дерево” (Ibid.). В других же случаях слова, которые звучат как непонятная заумь, могут обрести для читателя смысл только если он знаком с данным иностранным языком:

Дума длинных долгих кур
передо мной лежала нур (Хармс 3, 136)

где с известной долей уверенности можно предположить немецкое “nur” - “только” (особенно учитывая знакомство Хармса с немецким языком).

Неологизмы с лексическим значением

Обширную группу заумных новообразований составляют такие, которые обладают лексическим значением. Несмотря на то, что такие слова отсутствуют в языковой норме, их значение легко определимо, так как они сохраняют отчетливую связь с нормативными лексемами, от которых они образованы. Подобный вид зауми Hansen-Loeve называет “sem-zaum” и отмечает, что она “...использует имеющиеся грамматические и семантические структуры данного языка ... путем реализации тех комбинаторных возможностей и парадигматических ‘пробелов’, которые хотя и присутствуют в языковой системе, но не поднимаются до уровня языковой нормы” (1978, 101).

Заумные слова образуются из нормативных, например, в результате изменения или пропуска отдельных звуков (“драми”, “дханию” вместо “дырами” “дыханию” - Хармс 3, 178 - очевидно как имитация неполногласия церковнославянского языка), слияния двух слов в одно (“пыхот слышался машин” - Хармс 1, 26 - где неологизм “пыхот” очевидно образован от слов “пыхтеть” и “рокот”). Используются также существующие в языке модели словообразования, с помощью которых по методу аналогии создаются отсутствующие в языке формы, например:

уж не ты ли путник тут
хочешь буквами абевеги

из чернил приделать кнут (Хармс 2, 69)

где “абевега” образована как калька слова “азбука”. В словосочетании “генеральский целовок” (Хармс 1, 33) неологизм “целовок” образован аналогично формам “бросок”, “скачок” и т.д. Интересно отметить, что с определенной точки зрения этот неологизм обладает рядом преимуществ по сравнению с нормативной формой “поцелуй”. Его морфологическая структура содержит указание на однократность и быстроту протекания действия, что явно соответствует его значению.

Однако создание неологизмов с помощью аналогий не обходится и без осложнений. Так, на первый взгляд слова “костяк” в значении “покойник, скелет” (Введенский 1, 94) или “земляк” - “житель Земли” (Хармс 2, 91) (аналогично сибиряк - житель Сибири) звучат убедительно, однако эти слова уже имеются в русском языке и обладают другими значениями. Имея в виду подобные случаи, Флоренский предостерегал поэтов “не пойти по легкому пути поверхностных аналогий, и тем затемнить какие-нибудь глубокие различия, которые не позволили в языке возникнуть предлагаемому данному новшеству” (1988, 111).

Во всех подобных случаях читатель, опираясь на свою языковую компетенцию, может довольно легко и однозначно “вычислить” значение новых слов. Однако в более сложных случаях неологизмы теряют непосредственную связь с имеющимися в языке словами и их значение становится более неопределенным:

(Статуя на крыше хватает земляка и делает его легким)

Земляк: Я ле! Птицы не больше перочинных ножигов.

Ле! Откройте озеро, чтобы вода стала ле! (Хармс 2, 91)

Можно предположить, что это “ле” произведено от слов “летать”, “легкий” и содержит в себе их обобщенное значение. Употребление “ле” вместо обычных слов подчеркивает необычность, мистичность происходящего, для чего не годятся повседневные, “профанные” слова. То, что Хармс видит в первых звуках слова носитель его концентрированного значения, созвучно идеям Хлебникова, писавшего: “Первая согласная простого слова управляет всем словом - приказываем остальным. Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием” (1972, 235-236). Любопытно, что Хармс, так же как и Хлебников, связывает семантику слов, начинающихся на “л”, с ослаблением тяжести, легкостью.

Хотя во всех приведенных примерах языковая норма была нарушена, эти нарушения были не так сильны, и референциальное значение заумных новообразований все же можно было приблизительно реконструировать с

помощью языковой компетенции. В следующих примерах референциальные связи также удастся восстановить, однако только языковой компетенции здесь оказывается недостаточно, и мы вынуждены использовать какие-либо дополнительные источники. Простейшим случаем такого рода является эксплицитное объяснение значения неологизма в самом тексте произведения:

Власть: Опустим агам к ногам.

Земляк: А что такое агам?

Власть: Разве ты не знаешь?... На небе есть четыре звезды
Лебедя. Это северный крест. Недавно среди них появилась
новая звезда - Лебедь Агам (Хармс 2, 90-91).

Также весьма определенным значением обладает слово “ны” из следующего отрывка, так как далее в тексте оно заменяется на конвенциональное и таким образом оказывается объясненным:

моя милая хорошая ны
крепкая как орешек
моя добрая старушка ны
славная обкуренная трубка (Введенский 2, 192)

Здесь мы практически имеем дело с идеолектом, приватным языком поэта. Хотя слова этого языка и имеют значение, оно не является конвенциональным. Без подобных указаний в тексте это значение остается собственностью автора, разве что в результате специальных филологических исследований его творчества удастся что-нибудь прояснить. Так, например, происходит со стихотворением:

Галя С галина Ко
Николая галя ман... (Хармс 2, 16)

где выяснение обстоятельств его написания (оно обращено к Галине Николаевне Леман-Соколовой) позволяет увидеть за казалось бы лишенными всякого значения словами элементы имени.

Неологизмы с грамматическим значением

В отдельную группу можно выделить случаи, где связь с семантической системой языка оказывается полностью нарушенной и встречающиеся в тексте неологизмы практически лишены какого-либо лексического значения. Однако связь с грамматической системой языка все еще остается осязаемой, поэтому можно

говорить о том, что подобные новообразования обладают по крайней мере грамматическим значением. Хотя в таких случаях нельзя сказать, что конкретно означает тот или иной неологизм, представляется возможным идентифицировать их более абстрактно, причислив их к классу объектов, действий, качеств и т.д., так как они обладают морфологическими признаками и находятся в синтаксической позиции, свойственной существительным, глаголам, прилагательным естественного языка. Неологизмы с таким типом значений неоднократно использовались в литературе и лингвистике, достаточно вспомнить “Jabberwocky” Льюиса Кэрролла или “глокую куздру” академика Щербы. С аналогичными примерами встречаемся мы у Хармса:

Гахи глели на меня
сынды плавали во мне (Хармс 1, 60)

Не имея ни малейшего понятия, каково лексическое значение слов “гахи” и “сынды”, благодаря совокупности грамматических признаков (окончание, согласование с глаголом, начальная позиция в предложении) можно предположить, что это какие-либо объекты, совершающие действия.

Однако такие грамматические маркеры часто представляют собой зыбкую почву и не допускают однозначных интерпретаций, что хорошо видно из следующего примера:

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул
но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил (Хармс 1, 60)

Слово “турондул” одинаково хорошо допускает его истолкование как глагол в форме прошедшего времени или же как существительное. Хотя употребленный в следующих строках глагол “перегородил” дает больше оснований по аналогии считать этот неологизм глаголом, это может остаться только предположением.

Фонетическое значение

До сих пор были рассмотрены примеры таких новообразований, которые, в разной степени нарушая языковой код, все же использовали его лексическую и грамматическую систему в качестве своей основы. Благодаря этому подобные неологизмы сохраняли элементы значения, хотя нередко его и было трудно определить. Однако в большом количестве случаев не удастся проследить никаких определенных связей между употребляемыми в текстах Хармса и

Введенского заумными новообразованиями и естественным языком (за исключением того, что они используют одну и ту же фонологическую систему). Таким образом, если в предыдущих примерах можно было говорить о нарушениях, то здесь мы имеем дело практически с полной отменой кода естественного языка и его системы значений.

Это однако не означает, что такие неологизмы бессмысленны. Хотя их значение и не опирается на систему естественного языка, оно привносится за счет изобразительных и иных ассоциаций, вызываемых звуковым составом подобных новообразований.³ Отсутствие референциального значения позволяет сближать тексты такого типа с абстрактной живописью (на что обращал внимание еще Малевич) или музыкой.⁴

В творчестве Хармса, который был лично знаком и находился под влиянием Туфанова и Малевича, также можно найти элементы “фонической музыки”:

Руа рео
кио лау
кони фиу
пеу боу (Хармс 2, 64)

Однако такое сведение текста к чисто фонетическому значению все же представляет собой скорее исключение. Как отмечает Hansen-Loeve, “В противоречии с чистой беспредметностью ... и с часто подчеркиваемым отказом от символической ономастопеи, практика звуковой зауми также с самого начала насыщена имитирующими, звукоподражательными, эмоционально мотивированными элементами” (1978, 103).

Интересным случаем использования Хармсом имитативных возможностей фонетического значения является эпизод возвращения Земляка с неба на землю в сценической поэме “Лапа”. Непосредственно за словами “Земляк падал на землю” начинается длинный ряд заумных слов. Очевидно, имитируя передвижение Земляка сверху вниз, эти слова располагаются одно под другим, в каждой строке только одно слово. Но не только графическое расположение слов на странице изображает падение, об этом свидетельствует также и фонетический состав используемых слов. Иконически изображая, как по мере приближения к земле

³ В этой статье мы оставляем в стороне сложный вопрос о звукосимволизме. Отметим только, что существует много свидетельств в пользу того, что отдельные фонемы могут иметь самостоятельное значение, связанное, очевидно, со сложными синестетическими ассоциациями или образами, возникающими под воздействием движения органов речи.

⁴ См. призыв Туфанова: “следует ... перейти к композиции фонической музыки из фонем человеческой речи” (1923, 7).

плотность и сопротивление воздуха увеличивается, Хармс располагает слова следующим образом: вначале следуют короткие звуковые последовательности с преобладанием гласных (“мои, вои, кои...”), затем появляются сочетания согласных (“плие, плее, флюе...”), далее многосложные слова (“кляпафео, пельсипао, гульдигрея...”). Этот длинный ряд заумных слов завершается следующим образом: “Фокен, покен, зокен, мокен. Таким образом, земляк вернулся на землю” (Хармс 2, 100-101).

Это “фокен, покен, зокен, мокен” является еще одним интересным примером того, как Хармс использует имитативные возможности заумных слов. Для русского читателя, даже мало знакомого с иностранными языками, эти слова однозначно ассоциируются со звучанием немецкой речи, а следовательно и со всем кругом расхожих представлений о немцах, свойственных русскому общественному сознанию (прагматизм, мещанство и т.д.). Не случайно именно эти слова завершают падение, то есть оказываются наиболее близкими к земле. Они также становятся постоянной характеристикой такого “приземленного” персонажа как Утюгов, который “меняет свою жилплощадь на большую” и радуется, что “обед прошел благополучно”.

Таким образом можно отметить, что среди поэтических приемов в произведениях Хармса и Введенского словотворчеству отводится значительное место. Создаваемые ими неологизмы очень разнообразны как по способам их образования, так и по степени семантической неопределенности. В данной статье эти неологизмы были вычленены из ткани художественного произведения и рассмотрены каждое в отдельности. Необходимо отметить, что такой подход может быть полезен на начальном этапе исследования, однако он не является исчерпывающим. Очень важным моментом является определение функций, которые выполняют заумные новообразования в художественных текстах. Очевидно, что использование зауми, например, у футуристов определяется ее особой функцией в рамках их концепции по созданию нового поэтического языка и всего комплекса новых эстетических установок. В этой связи можно отметить, что функциональная направленность словотворчества в ранних произведениях Хармса и Введенского приближается к футуристическим поискам нового языка. Однако в их более позднем творчестве неологизмы несут уже иную нагрузку и служат скорее средством продемонстрировать несовершенство языка и невозможность коммуникации между людьми, т.е. поднимают проблематику, свойственную для литературы абсурда. Таким образом, определение функций словотворчества представляется весьма важной и интересной задачей, однако ее рассмотрение выходит уже за рамки данной статьи.

Литература

Введенский, А. (1980-1984). *Полное собрание сочинений, тт. 1 - 2*, Ann Arbor.

Жаккар, Ж.-Ф. (1990). “Даниил Хармс: театр абсурда - реальный театр”, *Russian Literature*, 27, 21-40.

Мейлах, М. (1991). “Обэриуты и заумь”, Л. Магаротто (ed.) *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре*, Bern, 361-365.

Milner-Gulland, R. (1970). “Left Art in Leningrad: the OBERIU declaration”, *Oxford Slavonic Papers*, new series 3, 66-75.

Туфанов, А. (1923). “Освобождение жизни и искусства от литературы”, *Красный студент*, 7/8, 7-12.

Флоренский, П. (1988). “Антиномия языка”, *Вопросы языкознания*, 6, 88-125.

Hansen-Loeve, A. (1978). *Der russische Formalismus*, Wien.

Хармс, Д. (1978-1988). *Собрание произведений, тт. 1 - 4*, Времен.

Хлебников, В. (1972). “Наша основа”, *Собрание сочинений*, т. V, Мюнхен, 228-243.

Якобсон, Р. (1979). “Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову”, *Selected Writings*, V, The Hague, 299-354.